

Общая гал. - 1995 -

10-16 авг. - с. 11.

ЧИСЛЕННИК

Талант сопротивления злу

Виктор АХЛОМОВ

Девятого августа — двадцать лет, как не стало **Дмитрия Дмитриевича Шостаковича**. С вдовой композитора **Ириной Шостакович** беседует **Елена Петрушанская**.

ЕЙЧАС словосочетание «современная музыка» у подавляющего большинства ассоциируется только с потоком коммерчески настроенного звукового дизайна, но вовсе не с именами и творчеством тех наших современников, которые, несмотря на груз богатства уже написанных мировых шедевров, несмотря на прогрессирующую нищету, на печаль и духовное осуждение, отважно пытаются вести свою музыкальную исповедь. Думаю, их вдохновляют и такие великие души, как Шостакович. Его жизнь и творчество стали символом времени, лакмусовой бумажкой для невероятного многообразия и неоднозначности проявлений добра и зла, безнравственности и моральной высоты, истинного и мнимого — того, чем насыщен XX век.

В июне 1962 года Дмитрий Дмитриевич Шостакович (1906 — 1975), только что женившись в третий раз, писал близкому другу Исааку Давыдовичу Гликману (письма к которому и цитируются ниже): «Сейчас я нахожусь в больнице! Еще раз делают попытку вылечить мне руку. Пребывание в больнице меня не веселит, особенно во время медового месяца. Мою жену зовут Ирина Антоновна. Знаю я ее более двух лет. У нее есть лишь одно отрицательное качество: ей 27 лет. Во всем остальном она очень хороша. Она умная, веселая, простая и симпатичная. Думаю, что мы с ней будем жить хорошо». Ирина Антоновна помогала Шостаковичу бороться с недугами, с мучительной болезнью, сковывавшей правую руку и ноги. Сейчас вместе с Галиной и Максимом Шостаковичами вдова основала издательство и ассоциацию, названные «DSCN»: это не только первые буквы имени композитора, они стали его звуковой подписью.

Мы беседуем с Ириной Антоновной в квартире на улице Неждановой, где композитор провел последние годы.

— Каким был распорядок дня у Дмитрия Дмитриевича?

— Когда Дмитрий Дмитриевич сочинял, то как начинал с утра заниматься (а поднимался он в восемь), так и работал, сколько сил хватало. Часам к шести, конечно, уже устал... Вечерами мы часто ходили на концерты и в драматические театры. В те же дни, когда не сочинял, он с утра разбирал почту, отвечал на письма. Приходили люди — и показывать свою музыку, и по депутатским делам.

— А каково было отношение к депутатской деятельности?

— Он был депутатом Верховного Совета от Горьковской области. Тогда депутат немного значил, мало что мог сделать реально. Но люди наделись, верили, много обращались с различными просьбами, своими несчастьями, молитвами. На него все очень сильно действовало: жистокость жизни, человеческие горести.

14.IV.1961: «...дня два тому назад Г. Вишневецкая, Д. Ойстер, М. Ростропович и я в первый раз репетировали мои романсы на слова А. Блока. Эта репетиция доставила мне много радости, и я на некоторое время перестал остро и болезненно воспринимать разного рода острые и болезненные события».

— Дмитрий Дмитриевич не мог привыкнуть к чужим страданиям, как тогда было положено по должности?

— Нет, никогда! К тому же он ясно понимал, что помочь, по существу, бессилен. Что написанные им просьбы-письма завянут в бюрократической трясине. Это понимание тоже доставляло ему глубокую боль. Но тем не менее всю жизнь старался что-то делать, помогать людям, в том числе и материально.

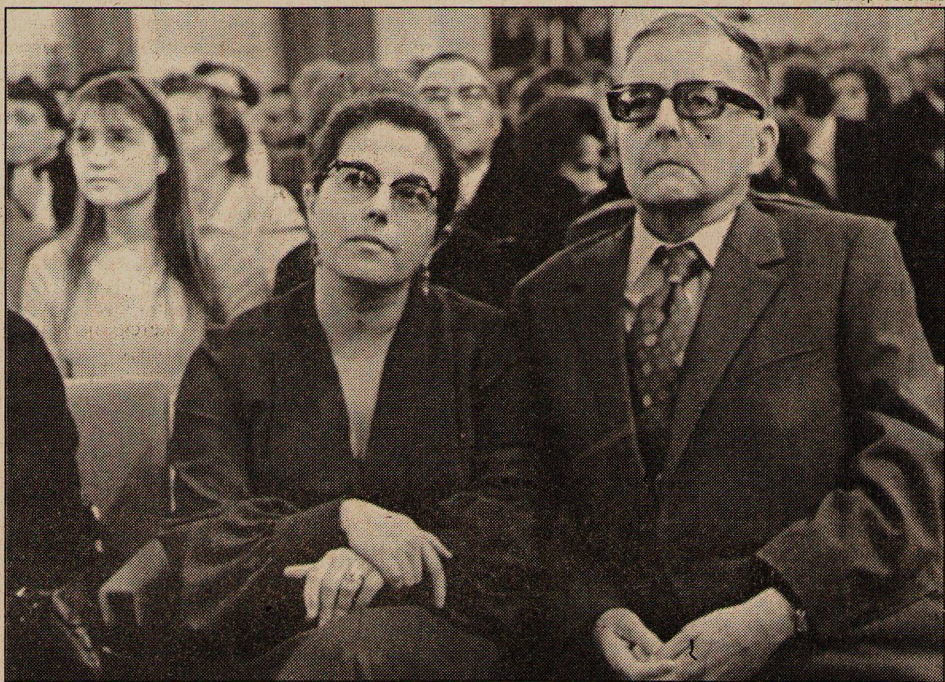
В свое время А.Д. Сахаров, который был нашим соседом по даче, обратился к Шостаковичу: не присоединится ли он к ним для помощи репрессированным? Дмитрий Дмитриевич ответил, что давно и постоянно, по мере сил, занимается...

1.I.1960. «Конечно, «скромность» это лучшее качество большевика», как учил нас тов. Сталин. Но, в конце концов, можно было простить Бетховена, если бы он зазнался, сочинив свои симфонии. Но никому нельзя простить аморальный, душевно-лакейский опус».

— Что более всего ненавидел Дмитрий Дмитриевич?

— Пожалуй, более всего — непорядочность человеческую... Был очень требователен к себе.

18.XI.1961: «Закончил я 9-й квартет, но

очень им недоволен. Поэтому в припадке здоровой самокритики я сжег его в топке. Это второй случай такого рода в моей «творческой практике». Впервые я такой номер выкинул в 1926 году, когда сжег все свои рукописи».

— Шостаковича сравнивают с Чеховым; признавал нечто общее и сам композитор.

— Думаю, близки основы их мировоззрения, мировосприятия. Я бы сказала, что Дмитрий Дмитриевич, который был человеком нерелигиозным в общепринятом смысле, на деле и в душе был истинным христианином. То есть стремился делать добро, где это возможно; не творить зла; не отвечать злом на зло. Это было для него самым важным, определяющим в человеческих качествах.

(О сломанной ноге в 1960 году сказал И.Д. Гликману: «Меня, наверное, Бог наказал за мои прегрешенья, например, за выступление в партию». — Е.П.)

30.IX.1967: «Рапортую: Есть 75%! (Правая нога сломана, левая нога сломана, правая рука деформирована. Теперь надо повредить левую руку, и тогда все 100% конечностей будут не в порядке.)

<...>Тренирую на всякий случай левую руку. Каждый день упражняюсь в написании всех букв алфавита, всех цифр и разного рода фраз, вроде «Маша ест кашу», «Поп чешет пуп». Но, Боже мой, до него это трудно. Очень у меня отсталая левая рука. Я завидую В.Я. Шебалину, который совсем потерял правую руку, но вытенировал левую. Более того: он левой рукой, отключаясь на исторические указания о том, что искусство должно быть ближе к жизни, ближе к народу, написал левой рукой оперу о наших современниках, победно идущих под руководством Партии к сияющим вершинам нашего будущего, к коммунизму».

— Многое в музыке Шостаковича, в его личности не разгадано (да и возможно ли такое?). Увы, большие имена привлекают и ценителей, и конъюнктурщиков. Где грань, отделяющая праздное любопытство от уважительной, любовной, научной любознательности?

— Грань там, где есть такт, где отсутствует желание уличить гения в его «слабостях»: ты, мол, так же мал, как мы все... Не все житейские обстоятельства следует вытаскивать на общее обозрение, поощряя мещанский потребительский интерес.

— Характерен случай с наглумившей попыткой продажи писем юного Шостаковича к Татьяне Гливиной на аукционе «Сотбис».

— Нам, семье, было очень неприятно, что эти письма поступили на аукцион. Приобрел же их, не допустив вмешательства посторонних в частную жизнь отца, Максим Дмитриевич. Узнав о его намерении, претенденты отказались от борьбы, оказали содействие в приобретении.

3.II.1967: «Много думаю о жизни, смерти и карьере. <...> Я, несомненно, зажил. Я очень во многом разочаровался и жду очень много ужасных событий. Разочаровался я в самом себе. Вернее, убедился в том, что я являюсь очень серым и посредственным композитором. Оглядываясь с высоты своего шестидесятилетия на «пройденный путь», скажу, что дважды мне делалась реклама («Леди Макбет Мценского уезда» и 13-я симфония). «Реклама» очень сильно действующая. <...> Нет! Не хотелось мне быть бы на моем месте. Однако сочинение — влечение рода неуда — преследует меня. Сегодня я закончил 7 романсов на слова А. Блока...»

— Ближится юбилей: 25 сентября будущего го-

да Шостаковичу исполнится 90 лет. Какие планируются торжества — властями и музыкантами?

— Музыканты хотят отметить эту дату. Свой фестиваль собираются проводить в Петербурге М. Ростропович: он будет и дирижировать, и солировать, и играть в камерном репертуаре. В Лондоне свой небольшой фестиваль будут делать Г. Рождественский и В. Постников. В Петербурге филармония предполагает выпустить абонемент к юбилею. В Москве мы хотим организовать фестиваль, концепция которого, по замыслам, «Шостакович в контексте мировой культуры». Свой камерный фестиваль задумал квартет Бородина. Впрочем, все это еще в стадии становления, как и большой проект фестиваля балетов на музыку Шостаковича.

— В мае в Мариинском театре была премьера второй редакции оперы «Катерина Измайлова». Однако в мире она повсеместно ставится в печально известной первой редакции — подвальной репрессиям, в которой был услышан бдительными убийцами искусства «сумбур вместо музыки»...

— Знаете, сейчас господствует мнение, что первая редакция была единственно «подлинной» (поскольку ее запретили), что способствует ее популярности. Сам композитор считал, что надо ставить окончательную, вторую редакцию оперы. В том, что касалось его художественных убеждений, на самом деле «давить» на него было бесполезно. Впрочем, я уверена, что в конце концов все встанет на свои места, и пора ростроповенного увлечения первой редакцией пройдет.

7.I.1963: «Мне не нравится заглавие «Второе рождение» (стихотворение Евтушенко о «Катерине Измайловой». — Е.П.). Моя музыка никогда не умирала, и поэтому ей не надо было второй раз рождаться».

— Вы подготовили эту квартиру для мемориального музея. Когда появится в Москве мемориальный музей Шостаковича?

— У меня все готово для этого. Я предложила Ю.М. Лужкову отдать эти помещения в аренду городу. Мне бы хотелось, чтобы город предоставил помещение для нашего издательства. Но пока за этим ничего реально не последовало. Здесь же, на Неждановой, издательству тесно. Нужно же всего около трех десятков метров, что отдано мною для архива и мемориального музея, который, надеюсь, должен скоро все же появиться в нашем городе.

13.III.1967: «Здоровье мое прекрасно. Вопрос лишь в том, нужно ли мне такое прекрасное здоровье? Ведь жизнь на радость нам дана. А какие уж тут радости, если плохо хожу, задыхаюсь, не могу носить тяжести и т.д.?»

30.IV.1960: «А в общем, жизнь идет очень трудно. Хочется, очень хочется позвать на помощь ту Старушку (Смерть. — Е.П.), которую вдохновенно описал поэт в поэме «За далью даль», опубликованной в ЦО «Правда» от 29.IV.1960».

P.S. Помните, прежде было принято делать официальные фотографии с сильной «украшающей» ретушью, с подкрашенными даже у мужчин губами? Подобные «фотопортреты» есть и у Шостаковича. И лишь потом мы увидели, как горестно, напряженно сжаты его бледные губы. Сопротивление злу... Оно может выражаться в декларациях, а может — в делах, в творчестве. Особое мужество требуется для сопротивления, если ты по натуре не герой, если чувствителен, болен. Но время стирает грим внешнего «прикрытия» и открывает подлинное лицо гения.